

С отпуском первый отдел расстарался не на шутку. Во-первых, поселили не где-нибудь, а на Сен-Жан-Кап-Ферра, на вилле Ллойда. Правда, не на самой вилле «Фиорентина», там шел ремонт после того, как немецкие солдаты превратили ее в казарму, а в небольшом домике возле корта. Места там вполне хватало, даже с излишком. Парк, правда, зарос за годы войны, садовники слегка привели его в порядок. Но погода баловала, несмотря на то что на улице декабрь. Температура воды — около 18–20 градусов. Наличие машины позволяло свободно передвигаться по всему побережью и даже съездить в Альпы, покататься в Валберге. Не обошлось без прогулок по Promenade des Anglais, в Ницце. Сейчас она выглядит несколько лучше. В то время каменистый пляж заканчивался двухполосным шоссе с четырехметровым бульваром, а знаменитой пешеходной дорожки вдоль моря еще не было. Берег был не укреплен. Многие жители Ниццы выходили на пляж со своими стульчиками и что-то рассматривали в морской дали, но только в теплую и безветренную погоду.

Некогда, сразу после Крымской войны, сюда в Ниццу прибыла вдовствующая императрица

Александра Федоровна со своим внуком великим князем Николаем Александровичем, так и не состоявшимся Николаем II. Она купила у Французской Республики деревушку Вильфранш-Сюр-Мер, расположенную у подножия Римского холма, с удобнейшей бухтой. Правда, с обеих сторон вход в бухту перекрывали четыре стационарных береговых батареи, как на Римском холме, так и на полуострове Ле Семафор. После того как она поселилась здесь, Ницца обрела популярность среди европейских монархов. За ними потянулись Ротшильды и Ллойды. Ну а сейчас и мы, со своими чадами, здесь же здоровье поправляем. Но второй ее неразумный внук взял и подарил эту землю Русской православной церкви, которая после войны, Первой мировой, разделилась на две части и пустила эти земли с молотка, не кисло погрев себе лапчонки.

Рейд Вильфранша был военно-морской базой русского флота до революции. Поэтому наш отдых здесь был «немножко» увязан с тем обстоятельством, что я вел переговоры с местными властями о возобновлении договора об аренде бухты и прилегающих окрестностей под это дело. Тем более что сама территория Ниццы входила в Советскую зону оккупации, а портовые сооружения и бункер-база были построены Россией и носили название Кронштадт-II. Требовалось решить вопрос с батареями, которые уже начали перевооружать, этим занимались немцы, по их планам здесь должны были стоять 305-мм орудия, подобные их бата-

реям на острове Гернси. Вообще-то, пушки были Обуховского завода, разработанные в Англии на фирме «Виккерс» для вооружения русских линкоров. Четыре таких орудия немцам достались как трофеи в Бергене, остальные они хотели приобрести у Финляндии, которые правительство Клемансо подарило в 1940 году двенадцать орудий бывшего русского линкора «Александр III», четыре из которых до финнов не дошли. Одноорудийные башни и новые снаряды для них разработала фирма «Крупп».

Этот линкор, точнее, его команда, не выполнил приказов командующего рабоче-крестьянским флотом и даже самого председателя Совета Народных Комиссаров. Несмотря на получение двух приказов о затоплении корабля, входившего тогда в состав Черноморского флота, команда, состоявшая в основном из выходцев с юга России, где влияние анархистов и различных националистов было большим, приняла решение следовать в Севастополь из Новороссийска и сдать немцам. Да вот незадача, у немцев началась революция, и они срочно эвакуировались. Но в Севастополе высадились англичане и французы. С английской командой линкор ушел в Турцию, в Мраморное море, затем вернулся поддержать Врангеля, но оказался небоеспособен из-за отсутствия рядового состава и оказался в Бизерте. Официально был передан СССР еще в 1924 году, но французы отказывались разрешать ему переход на Родину без признания «царских долгов» за строительство КВЖД, боль-

шая часть которой проходила не по территории СССР, а по территории Китая, и доходов с нее СССР не получал, хотя формально она числилась за ним. Следует учитывать и то обстоятельство, что в мире на тот момент существовал избыток крупных кораблей, и продать их было невозможно. Поэтому, не сумев добиться от СССР возвращения займа, французы пустили все корабли Бизертской эскадры СССР на слом. Был разоружен и «Александр III». Во время советско-финской войны качающиеся части орудий линкора были подарены Финляндии. Но дошло до адресата только восемь орудий из двенадцати. Эти восемь стволов только что переданы финнами законным владельцам. По поводу остальных, в данный момент находящихся в составе батареи «Нина» на острове Гернси, принадлежащем Франции, идут словесные баталии с правительством Тореза. Скорее всего, они так и останутся в руках французов. Здесь же в Ницце будут установлены три трехорудийные башни с двух линкоров: «Александра III» и с его «систершип» «Екатерины Великой», поднятые из-под воды в Новороссийске ЭПРОНом. Саму «Катю» поднять тогда не сумели, в отличие от «Марии». Не везло «девицам» на Черном море, обе утопились.

Что касается моего грядущего назначения на вторую должность в государстве (или первую? смотря с какого конца смотреть...), то ни я, ни Иосиф Виссарионович еще ничего конкретно не ре-

шили. Пленума ЦК не было, я своего согласия еще не давал. Отдыхаю пока. Посоветоваться особо не с кем. Катя у меня замечательная женщина, отличная мать, но она слишком многого не знает. Да и не должна знать. Я прекрасно понимаю, почему именно меня выдвигают на этот пост: все дело в той информации, которую я имею. К тому же удачно проведенные две войны неплохо пополнили бюджет Союза. Ведь нам в ходе подготовки к войне не пришлось полностью менять парк вооружения в авиации, танковых войсках и на флоте. Обошлись минимальной модернизацией «старых» самолетов, выпущенных в середине тридцатых и серийно выпускавшихся до конца 1940 года. Фактически только сейчас, после войны, мы приступили к полной модернизации своей армии и флота, имея запас прочности и времени. Планово, не торопясь, осваиваем новую технику, одновременно сокращая количественный состав войск.

Тут хуже другое! Я ведь хорошо помню этих «любителей хамона», их слишком много и война их не выявила. Тот же Власов совсем недавно отправлен на пенсию, причем бил себя кулаками в грудь и говорил, что здоровье позволяет ему служить и служить. Пришлось Бурденко уговорить его заняться собственным здоровьем и лечением близорукости. Ему ж не скажешь о том, что мы знаем, что он представляет собой на самом деле. И таких людей довольно много. Сталин, кстати, весьма плотно занялся КП(б)У и их связями с ОУН. Идет серьезная чистка украинских партийных ря-

дов. Поднимается вопрос и о возвращении правобережной и приморской части Украины в состав РСФСР, именно промышленно развитых областей. Но до съезда партии полностью решить эти вопросы не удастся. А там будет бой, причем очень серьезный. Сталин готовит изменения к программе коммунистической партии. Пока ни с кем этим не делился, но постоянно в прессе об этом упоминается, что мы вступили в новый этап строительства социализма в СССР. Так что подготовка идет. Должность, на которую меня «сватают», сейчас занимает сам Сталин. До этого одиннадцать лет правительство возглавлял Молотов. С момента создания ГКО, а это случилось практически сразу же после моего появления здесь, эту должность «ликвидировали», так как председатель ГКО одновременно являлся председателем Совета Народных Комиссаров СССР. Кстати, они пока называются по-старому. Указа еще не было, но мою будущую должность поименовали как председатель Совета Министров. То есть это изменение тоже готовится. Так что Сталин надеется, что мне удастся также легко найти выход из создавшегося положения: с одной стороны, форсировать изменения в экономике и не допустить разбазаривания накопленных резервов, а заодно попытаться устранить угрозу как слева, так и справа. Ситуация здорово напоминала историю, рассказанную во многих русских сказках про камень-указатель. Куда ни ткнишь — везде сплошные шишки. Чем ближе подходил срок окончания отпуска, тем чаще я становился задум-

чивым и стремился к одиночеству, бродя по местному парку из вечнозеленых пиний, ливанских и турецких кедров, посаженных здесь кем-то и превращенных в отличную рощу.

Три недели закончились, М-2 сделал круг над полуостровом и пошел на посадку со снижением. Мы забросили свои вещи в машину и через полчаса были в небольшом здании местного аэропорта. Улыбчивая француженка приняла дипломатические паспорта:

— Merci beaucoup. Profitez de votre vol¹.

Дурацкий вопрос командира экипажа:

— Как отдохнули, Святослав Сергеевич?

— Отдыхать — не работать, нормально! Спасибо. Полетели.

— Ждем Леонтьева, его просили забрать дипломатическую почту. Сейчас будет.

Во второй салон село еще два человека из курьерского отдела, и самолет начал раскручивать двигатели.

Еще в воздухе стало известно, что по прилету требуется доложить Сталину о результатах переговоров. Сижу, составляю отчет, теперь, вместо конструирования самолетов, я просто обречен создавать такие записки. А оно мне надо? Меня вполне устраивала та должность, которую я занимал, она давала мне возможность заниматься лю-

¹ Большое спасибо! Приятного полета!

бимым делом и не требовала от меня постоянных отчетов о том, что сделано, а что собираюсь сделать. «Вождь» назвал это анархизмом и чуть было не разжаловал меня неизвестно до какого уровня. В принципе, мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Но списывать меня совсем со счетов для него невыгодно, хотя я и плохо представляю себя на «его» месте. Везде и всюду, где бы я ни начинал что-либо делать в этом мире, я начинал с того, что собирал «команду», причем ставка делалась на профессионалов. Сомнительные фигуры я просто убирал с «доски». В результате, естественно, накопил солидное количество людей, которые, вежливо говоря, меня недолюбливали. Кого-то я «зажимал», кого-то «не понимал», а с кем-то и разговаривать не собирался. Но я сам от этих людей не зависел. И они от меня тоже. Их как бы и не существовало. На должности, которую предлагают, таких людей не будет. Что меня и отпугивает от нее.

Наконец, полет окончен, нас довели до дома, и я с удовольствием сел в свой ЗиС. Даже соскучился по его салону и звуку его двигателя. Тронулись в Москву, я за рулем.

Приемная Сталина, зеленый абажур на столике у Поскребышева. В этой комнате нет окон, и он всегда горит. Александр Николаевич улыбается, говорит, что завидует моему загару. Снял трубку, доложил о моем приходе и показал рукой на дверь, одновременно сделав пометку о времени напротив

моей фамилии. Все, как обычно, кроме возвращения из отпуска.

А вот дальнейший разговор был не самым простым и не самым приятным. Выслушав доклад о проведенных переговорах с французами и местным СВА, по которому у «самого» вопросов не возникло, меня начали «вводить в курс дела». По замыслу Сталина в течение весны 1944 года, к концу марта, будет подготовлен и проведен XIX съезд партии, на котором он подаст в отставку с поста председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Главной причиной для этого он назвал окончание войны и отсутствие надобности в Государственном Комитете Обороны. Страна должна перейти к мирному этапу построения социализма.

— В настоящее время созданы все предпосылки к тому, чтобы объявить народу, что введенные перед войной ужесточения по трудовому законодательству, карточки на важнейшие продовольственные и промышленные товары, повышение цен на них канули в Лету. Мы — страна-победитель, и победитель — это весь советский народ. Восстановление разрушенного войной хозяйства закончено, и страна возвращается к мирному труду на благо этого народа. Проведенная в кратчайшие сроки индустриализация социалистического хозяйства показала всему миру, чего может добиться освобожденный рабочий класс.

В общем, меня сделали первым слушателем его речи на будущем съезде. А я-то здесь при чем? Я —

не член партии, и пока не рвусь занимать место в президиуме съезда. Но как его остановить, я не знал. Может обидеться. Я приподнял вверх указательный палец и некоторое время держал его в таком положении. Сталин остановился, недовольно посмотрел на меня и сказал:

— Слушаю.

— У меня вопрос: кто просчитал обратный эффект от реэвакуации заводов и фабрик? Что произойдет при остановке заводов-спутников? Я двумя руками за отмену карточек и наполнение заработной платы конкретной стоимостью, но против значительных ослаблений в трудовом законодательстве. Это должно произойти не ранее нескольких лет. Срок в полтора-два года, которые проработали спутники, совершенно недостаточен для создания запаса рабочих рук на заводах-спутниках. Реэвакуации должны подлежать заводы, которые мы создали в «переполненных» городах, типа Молотова и Куйбышева. В остальных местах было бы проще объявить о том, что реэвакуация начнется тогда и только тогда, когда вы на местах подготовите себе квалифицированную замену. И еще один нюанс: он касается людей, связанных в непроизводственной сфере: работников торговли, культуры, образования и тому подобное. Они не должны быть в первых рядах реэвакуации. Иначе возникнет коллапс городов-спутников.

— Вопрос вы поднимаете верный и планом на четвертую пятилетку он предусмотрен.

— Извините, товарищ Сталин, но я этого не услышал в тех словах, которые прозвучали. Именно поэтому и возник этот вопрос.

Сталин сделал пометку у себя в блокноте.

— То есть вы, товарищ Никифоров, не считаете это невозможным.

— Нет, не считаю, но требуется предельная четкость и ясность в формулировках. Иначе люди будут считать себя обманутыми. И, мне кажется, что увязывать объявление со съездом тоже не стоит. Гораздо важнее показать, что социалистическое государство заботится о собственном народе, а если на съезде это прозвучит так, как вы сказали, а на деле это будет происходить совершенно не так, то виноватым окажется правительство. Это, кстати, еще одна причина, почему я до сих пор не дал вам ответа на предложение стать премьер-министром или его председателем. Реформы не закончены. Они только разворачиваются, и менять руководство в это время на фигуру, не имеющую такого веса и опыта, как вы, мне кажется преждевременным. Собственно, меня вполне устраивает то положение, которое я сейчас занимаю.

— Вообще-то, вы разворачиваете разговор совершенно в другое русло. Что требуется: вы возьмете на себя экономический блок проблем, включая оборонный, и развяжете мне руки, дадите заниматься партийными делами.

— Я не против, но партия — это небольшая прослойка общества, что-то около четырех миллионов человек. А нас около двухсот миллионов только на